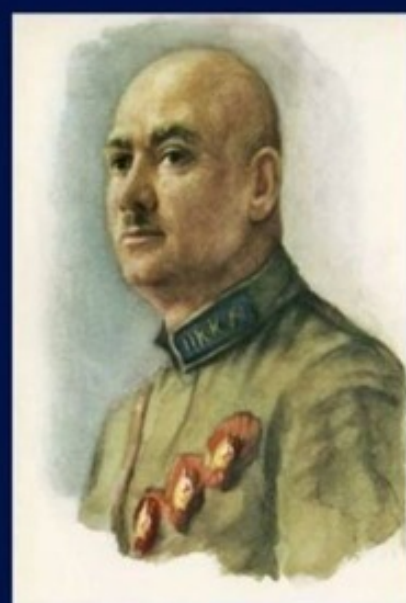

Геннадий Иванович Дмитриев
Погашенная луна

Повесть

Геннадий Дмитриев

Погашенная луна. Повесть

«Издательские решения»

Дмитриев Г. И.

Погашенная луна. Повесть / Г. И. Дмитриев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500307-2

Есть в нашей недавней истории тайны, которые, скорее всего, никогда не будут раскрыты. К таким тайнам относится смерть Фрунзе и убийство Котовского, версия о причастности Сталина к смерти Фрунзе распространилась благодаря повести Бориса Пильняка «Повесть непогашенной луны», других источников, подтверждающих её, нет. Убийство Котовского также оставляет много вопросов, ответов на которые нет до сих пор. В этом произведении предлагается версия событий, которая наиболее близка к реальности.

ISBN 978-5-00-500307-2

© Дмитриев Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Погашенная луна

Повесть

Геннадий Иванович Дмитриев

© Геннадий Иванович Дмитриев, 2019

ISBN 978-5-0050-0307-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

31 октября 1925 года, в полнолуние, после неудачной операции скончался выдающийся полководец гражданской войны, народный комиссар по военным и морским делам, Михаил Васильевич Фрунзе. Современная молодежь вряд ли помнит эту фамилию, но представители нашего поколения, которые ещё не успели забыть историю, убеждены, что к смерти великого полководца причастен Иосиф Виссарионович Сталин. Именно по его настоянию Фрунзе сделали операцию, в которой не было необходимости. Но почти никто из них не знает источников происхождения этого мифа, прочно укоренившегося в сознании поколений. А история мифа такова, в 1926 году, в журнале «Новый мир» была опубликована повесть известного в то время, и почти забытого сегодня писателя, Бориса Пильняка, «Повесть непогашенной луны». И хотя автор в предисловии просит не отождествлять главного героя с Фрунзе, каждый, прочитавший историю смерти командарма Гаврилова, убеждён, что речь идёт именно о Михаиле Васильевиче. Естественно, ни на какие документы автор не ссылается, произведение художественное и не требует доказательств, но с той поры и другие писатели, «борцы за свободу и демократию» в бывшем СССР, без зазрения совести повторяли в своих романах эпизоды «Повести непогашенной луны», но уже напрямую связывая эту историю с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Историки уже давно опровергли этот миф, но либо наша интеллигенция не читает исторические работы, либо всем им нравится представлять человека, который, по словам заядлого врага СССР, Черчилля, «...принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», как злого тирана, действия которого не поддаются никакой логике. Но если описание исторического события не подчиняется жесткой логике своего времени – то описание это ложно. А логика событий того времени такова, что Сталин никак не мог быть заинтересован в смерти народного комиссара по военным и морским делам, М. В. Фрунзе, им же на этот пост и назначенного. Убийство Котовского и смерть Фрунзе открыли дорогу в высший эшелон военной власти Тухачевскому, человеку Троцкого.

Сегодня историки рассматривают три версии событий:

- преднамеренные действия врачей, приведшие к гибели пациента;
- ошибка врачей, стоившая пациенту жизни;
- роковое стечение обстоятельств, обусловленное состоянием здоровья оперируемого и уровнем анестезиологии того времени.

Состояние здоровья Фрунзе вызывало опасения не только у него, но и у высшего партийного руководства. В мае 1922 года ему было предложено лечение за границей, от которого он отказался, продолжая работать. Он лечился в Боржоми, в Крыму, и лишь когда стало ясно, что оперативного вмешательства не избежать, согласился на операцию. Никакого «давления» на него со стороны Сталина оказано не было, но забота о состоянии здоровья была. Существует письмо Михаила Васильевича своей жене, в котором нет и тени намёка на бессмысленность хирургического вмешательства, Фрунзе уверяет супругу, что операция поможет ему избавиться от кровотечений, участившихся последнее время. Исследователи сходятся во мнении, что произошло именно роковое стечение обстоятельств. Квалификация и честность хирурга Розанова, оперировавшего и Ленина, и Сталина, не вызывает сомнений, но уровень анестезиологии того времени и состояние здоровья пациента привели к трагическому исходу.

А если всё-таки злой умысел был? Ведь осуществить его мог не только хирург, делавший операцию, но и врач, игравший второстепенную роль. Если так, то возникает естественный и первый в любом следствии вопрос: «Кому это было выгодно?». Чтобы ответить на этот

вопрос, нужно видеть, как внутренняя политика руководства СССР того времени соотносится с внешней и глобальной политикой.

В то непростое время в высшем эшелоне власти было противостояние двух направлений: сохранения России, как великой державы в условиях мирного сосуществования с капитализмом, за которое боролся Иосиф Виссарионович Сталин и его соратники; и дальнейшая эскалация революции в мировом масштабе, за которую ратовал «бес мировой революции», Лев Давидович Троцкий.

После окончания гражданской войны была создана комиссия, которая исследовав состояние дел в Красной армии, пришла к выводу, что армия полностью не боеспособна. К такому же выводу пришла и германская разведка. Троцкий был смещён с должности наркома по военным и морским делам, и на эту должность назначен Михаил Васильевич Фрунзе, его заместителями стали: Григорий Иванович Котовский и Клим Ефремович Ворошилов. Все трое были «державниками», сторонниками первого направления, сохранения России как великой державы. Все трое имели опыт гражданской войны и немалые военные заслуги. Все показали себя грамотными, талантливыми военачальниками, наиболее выдающимся из них был Фрунзе. Такая расстановка кадров в руководстве Красной армии как нельзя лучше соответствовала намерениям Сталина. И вот Котовского убивают в Одессе, Фрунзе, уцелевший после трех дорожно-транспортных происшествий, умирает при операции, наркомом по военным и морским делам становится Ворошилов, а начальником Штаба РККА... – Тухачевский, будто чья-то рука намеренно расчищает ему дорогу, не считаясь ни с чем.

Был ли Троцкий самостоятельным политиком и что связывает его с Тухачевским? Ведь именно он отстранил Тухачевского от должности командующего фронтом, назначив его исполняющим обязанности начальника штаба. Оба были полны непомерных амбиций, оба претендовали на высший пост в руководстве Красной армии. Были ли они непримиримыми соперниками или оба находились под властью некоего глобального управления? Из материалов допросов знаменитого троцкиста Христиана Раковского следует, что о глобальном управлении революционными процессами в России было известно троцкистам, Христиан Раковский называет термином «они», некую внешнюю силу, вразрез намерениям которой пошел Ленин, а Сталин начал реализовывать политику, альтернативную глобальной политике мировой революции. По словам Христиана Раковского, Ленин подчинил революцию государству, а должен был государство подчинить революции. Именно это стало, по его словам, причиной покушения на Ленина, организованного Троцким, а после и его отравления, организованного «ими». Место Ленина должен был занять Троцкий, но дело вмешался промысел Божий, Троцкий неожиданно заболел, и место Ленина занял Сталин.

Фигура Тухачевского очень не проста. Весьма поражает его стремительная карьера от подпоручика до маршала, от заместителя командира роты до командующего армией без промежуточных должностей, после – командующего фронтом, начальника Штаба Красной армии. В начале первой мировой войны подпоручик Тухачевский попадает в немецкий плен. Он содержался в лагере Ингольштадта, где, видимо, и был приобщён к тайному немецкому обществу Туле, названному по имени мифического острова, на котором якобы находилась столица древних ариев. В обществе состоял Карл Хаусхофер, известный как разведчик и геополитик. Позднее на основе общества Туле было создано тайное общество Аненербе (наследие предков), под патронатом Гимmlера. Карл Хаусхофер видел будущее Германии в союзе с Россией и Японией. Однако подобный союз не устраивал Европу, в первую очередь Британию, и гипотетическая ось «Берлин-Москва-Токио» превратилась в реальную – «Берлин-Рим-Токио». Вдохновлённый идеями Хаусхофера, Тухачевский, по всей вероятности, не без помощи германской разведки, «бежал» из плена, и очень быстро был введён в состав высшего военного руководства победившей революции.

В продвижении Тухачевского не меньше Троцкого была заинтересована германская разведка, ставшая инструментом глобальной политики, именно через нее получали финансовую поддержку революционеры России. Без помощи германской разведки фантастическая карьера узника крепости Ингольштадта была бы немыслима. Ведь если бы в 1941 году во главе военного ведомства стоял Фрунзе, развитие событий начала войны было бы совершенно иным. Несмотря на то, что заговор маршалов был ликвидирован, до сих пор нет объяснения тому, каким образом оборона была построена согласно плана Тухачевского, названного «планом поражения», хотя официально утвержденный план обороны Шапошникова никто не отменял.

Не менее загадочно и убийство Котовского, Мейер Зайдер, в первые минуты признавшийся в убийстве командира, а впоследствии отрицавший свою вину, никак не подходит на роль наемного убийцы. Благодаря Котовскому он получил хорошую должность начальника охраны сахарного завода, и кроме того имел свое дело – участвовал в снабжении корпуса Котовского. Некоторые исследователи предполагают, что Котовский обвинил Зайдера в махинациях, и между ними возникла ссора. В пользу этой версии говорит и то, что в тот роковой вечер у Котовского состоялся разговор с бухгалтером. Но даже уличенный в воровстве Зайдер не мог не понимать, как много он теряет со смертью командира. Что произошло в ту ночь, почему Зайдер сперва сознался в убийстве, а после все отрицал, постоянно меняя свои показания, мы, видимо, уже никогда не узнаем.

В своей повести я не рассматриваю подробности операции, которые детально изложены у Пильняка, я вообще не говорю о том, что явилось причиной смерти Фрунзе. Я лишь описываю попытки противников Сталина отыскать способы влияния на ход операции, что вполне могло иметь место, даже в том случае, если смерть Фрунзе произошла по причине рокового стечения обстоятельств. Ведь произошли же три автомобильные аварии с Фрунзе в Москве, где в те времена интенсивность автомобильного движения была не сравнима с нынешней.

В повести использованы материалы исследований А. Б. Мартиросяна, Е. А. Прудниковой, Н. Добрюхи, мемуары белогвардейских генералов Е. И. Достовалова и Я. А. Слацова, материалы допроса Христиана Раковского.

Глава 1

Штабс-капитан Краснов, Андрей Николаевич, был профессиональным разведчиком. В годы первой мировой войны он служил в войсках Австро-Венгрии, в разведывательном отделе штаба 4-й армии, затем, при обстоятельствах, выглядевших, как проявление случайности, был переведён в союзную Австро-Венгрии Германию, в город Ингольштадт. После того, как в России в феврале пала монархия, а в октябре и Временное правительство исчерпало отпущенное ему историей время, царская армия рассыпалась, как песок, лишенный цемента, и новая власть заключила Брестский мир, Андрей Николаевич понял, что судьба разведчиков, выполнявших свой долг перед Родиной на территории противника, никого более не интересует. Разведывательного отделения штаба Верховного главнокомандующего уже не существовало, а новая власть создавала свои органы разведки. Можно было, как граф Игнатъев, пойти на сотрудничество с новой властью, а можно было предложить свои услуги немецкой разведке, или навсегда затеряться в Европе, начав новую жизнь. Офицеры царской армии, считавшие своим долгом служение не конкретной власти, а России, выбирали первый путь. Те, у кого ненависть к большевикам была сильнее, чем любовь к Родине, шли по второму пути. Те, кто желал начать новую жизнь под новым именем, прекрасно понимали, что разведчики бесследно не теряются. Рано или поздно их отыщут, либо для того чтобы заставить работать, либо для того, чтобы заставить замолчать навсегда.

Сотрудничать с советской властью Андрей Николаевич не хотел, так как люто ненавидел большевиков. Идти против России не мог, поскольку был русским дворянином, и не допускал даже мысли о предательстве Родины. Нереальность тихо, незаметно выйти из игры он понимал, наверное, лучше других. Потому и решил вернуться в Россию и включиться в борьбу против советской власти. Но для этого должен был незаметно исчезнуть Генрих Зольднер в Германии и появиться в России Андрей Краснов, что для оставшегося без связи и прикрытия разведчика было чрезвычайно сложно. Свои намерения он смог осуществить только в 1920 году, проделав сложный путь, и оказавшись в Константинополе, где и встретился с бароном Врангелем, которого знал лично ещё до первой мировой.

Серым мартовским утром тысяча девятьсот двадцатого года французский пароход подошёл к причалу Константинополя, чтобы взять груз, и отправиться дальше, в Севастополь, с продовольствием для французской армии. Андрей Николаевич не собирался покидать борт парохода в Константинополе, но от французского офицера, следовавшего этим пароходом из Константинополя в Севастополь, он узнал, что здесь находится генерал Врангель. С бароном Андрей Николаевич был знаком ещё с Дальнего востока, где им довелось служить вместе в армейской разведке, потому встреча с ним могла помочь штабс-капитану Краснову найти своё место в рядах Белого движения. Тогда он ещё не знал, что генерал Врангель отстранён Деникиным от командования, и в данный момент, повлиять на судьбу бывшего сослуживца не может, но если бы и знал, то всё равно посчитал бы своим долгом встретиться с бароном.

Андрей Николаевич сошёл на причал, и окунулся в многоголосый, многоязычный гул порта, крики чаек и пароходных сирен, порывы плотного, сырого, холодного ветра, развевающего разноцветные флаги на судах, да грохот и скрежет портовых механизмов. Бесконечно двигались какие-то люди в турецких фесках, в матросских одеждах, в английских, французских и русских военных мундирах. Узнать местонахождение генерала Врангеля было не сложно, подпоручик, встретившийся ему в порту не только указал, где располагается нынче Врангель, но и лично вызвался его проводить. У входа в здание, где пребывал опальный барон, стоял часовой. Андрей Николаевич попросил передать барону, что его хочет видеть штабс-капитан Краснов. Когда адъютант доложил о нём генералу, барон не сразу вспомнил старого сослуживца.

– Краснов? Какой Краснов? Не родственник ли генерала Краснова?

– Никак нет, ваше превосходительство. Он утверждает, что служил в Забайкалье в разведывательном дивизионе.

– Ах! Да! Помню! Кажется, он тогда был в звании подхорунжего. А после японской войны его перевели из казачьих войск в разведывательное отделение при генеральном штабе. Приси! Пусть войдет!

Штабс-капитан Краснов вошел, представившись генералу по всей форме.

– Ну, здравствуйте, Андрей Николаевич! – воскликнул барон, протягивая ему руку. – Не думал, что придется встретиться здесь, в Константинополе! Рад видеть Вас, искренне рад. Какими судьбами?

– Здравия желаю, Петр Николаевич! – ответил Краснов. – События семнадцатого года застали меня далеко от России, перед началом войны был внедрен в штаб 4-й армии генерала Ауффенберга, работал успешно, ну а после всего, что случилось с Россией, мы, профессиональные разведчики, были брошены на произвол судьбы. Вот, всеми правдами и неправдами добрался сюда, позвольте мне под Вашим командованием бороться с большевиками.

Барон тяжело вздохнул, нахмурил брови.

– Видите ли, Андрей Николаевич, состоялся у меня вчера неприятный разговор. Пригласили на встречу с командованием Британских сил в Турции, предложили вернуться, и возглавить Вооруженные силы Юга России, обещали поддержку. Но при одном условии. Я должен прекратить борьбу с большевиками, и заключить с ними мир. В феврале Деникин отстранил меня от командования, но видимо, что-то там изменилось.

– Как? Прекратить борьбу? Оставить Россию большевикам?

– Это требование Британии, они не верят в победу белого движения. Они требуют заключить с большевиками мир, оставить им Россию и сохранить Крым. Наш долг, долг офицера и дворянина – продолжать борьбу до конца. Но тогда мы лишимся английской помощи. Более того, наши соотечественники, успевшие вывезти свои капиталы на Запад, отказывают нам в поддержке.

– Так, что же делать? Неужели борьба бесполезна?

– Вот, что я думаю, Андрей Николаевич. Я согласился с Британским командованием. Нужно вернуться в Крым. Будем рассчитывать на поддержку внутри страны. Необходимо дать землю крестьянам, улучшить условия труда рабочих. Нужно опереться на народ, он поддержит нас. Борьба за Россию – это борьба не за территорию – это борьба за сердца и умы людей.

На следующий день британский эсминец «Император Индии» увозил барона Врангеля и штабс-капитана Краснова на Белый остров Крым, о который яростно бились волны Красного моря. Когда очертания знакомых берегов показались на горизонте и синеватый абрис Чатырдага возник на фоне неба, Андрей Николаевич с замиранием сердца вглядывался вдаль. Он возвращался в Россию, в Севастополь, где последние годы проживала его семья.

Корабль пришвартовался у Графской пристани, и сойдя на берег, Андрей Николаевич ощутил давно забытое, утраченное за долгие годы скитаний на чужбине состояние единения с Родиной. Душа наполнялась трепетом и печалью. Голос барона вернул его к реальности:

– Андрей Николаевич, я сейчас в штаб армии, Вы со мной?

– Хотел бы, с Вашего позволения, навестить семью, жену и сына, они должны быть здесь, в Севастополе.

– Конечно, Андрей Николаевич, отправляйтесь к семье, завтра в восемь я жду вас в штабе.

Штабс-капитан Краснов шел по знакомым, почти забытым улицам, сквозь холодный, сырой ветер запоздалой весны. Вот и знакомая калитка маленького домика, все так же, как и много лет назад. Дрогнуло сердце, то ли от ветра, то ли от нахлынувших воспоминаний заслезилась глаза, калитка скрипнула, пропуская его во двор, он прошел по аллее, подошел к двери,

постучал. Дверь открыла женщина и, увидев его, остолбенела. Несколько долгих секунд смотрела она на Андрея Николаевича удивленным, полным боли и нежности взглядом, и наконец, тихо произнесла:

– Андрей, ты?

– Я, Наташа, я, – также тихо произнес он.

– Боже мой! – вскрикнула она, и со слезами на глазах бросилась ему на грудь.

Она рыдала, прижимаясь к нему, а он, не находя слов, гладил её по волосам, поседевшим от бед и невзгод. Когда она немного успокоилась и вновь смогла говорить, посмотрела в его глаза, и тихо сказала:

– Ну, что же мы стоим на пороге? Идём в дом.

Они вошли. Домашней теплотой и уютom повеяло на Андрея Николаевича. Тихо потрескивали дрова в печи, пахло теплым хлебом. От всего этого у него закружилась голова, и он опустил на стул. Восемилетний мальчик, его сын, спрятавшись за мамину спину, с опаской поглядывал на незнакомого мужчину.

– Да, это же папа твой, Коленька, что же ты прячешься, иди к нему, – сказала сыну Наталья Алексеевна, но тот ещё сильнее вцепился в руку матери. – Он ведь тебя совсем не помнит, ему годик был, когда ты уехал. Потом война, голод, эта ужасная революция, опять война. И от тебя никаких известий. Жив ли? Что я только ни передумала! Главное, чтобы жив был. Да, что же я? Ты ведь голоден наверное! Я сейчас, быстро на стол соберу. Мы тут с Коленькой сами хлеб печем, я немного муки достала.

Она угощала мужа, рассказывая о том, что пришлось пережить ей с маленьким сыном за все эти долгие, полные тревог и опасностей семь лет. Она говорила и говорила, не в силах задать ему тот, самый главный вопрос. Не смела, не могла, не знала как. Он сам на него ответил:

– Я к вам только на одну ночь, завтра утром должен быть в штабе армии. Куда потом – ещё не знаю. Идет война, я офицер, дворянин, и не могу оставаться в стороне, когда решается судьба России.

Наталья Алексеевна закрыла лицо руками, покачивая головой, потом протянула руки к нему, восклицая:

– Боже мой! Боже мой! Проклятая война, проклятая революция! Да, будь оно всё неладно! Давай уедем отсюда, в Париж, в Вену, куда угодно, только подальше от войны!

– Я был там, за границей. Ничего хорошего нет, ни в Вене, ни в Париже. Можно сбежать от войны, но не сбежишь от себя, от долга перед Родиной. Я приехал, чтобы сражаться с большевиками.

– Я думала, ты приехал к нам! Сколько можно воевать?! Кому нужна эта бессмысленная война?!

– Я буду воевать с большевиками для того, чтобы мы с тобой могли жить, как прежде.

– Как прежде?! Да ничего уже не будет, как прежде! Ты посмотри, что делается вокруг!

– Все зависит от нас, от Русской армии, одолеем большевиков и будем жить, как прежде.

Сегодня всё было, как прежде: и теплая постель, и жена, и сын, и дыхание, и голос, от которого он отвык за годы войны и скитаний, – но продолжалось это только до утра. А утром снова была война. Он ушёл, и ни он, ни Наталья Алексеевна не знали, придётся ли им свидеться ещё в этой жизни.

Встретив штабс-капитана Краснова в штабе армии, генерал Врангель сказал ему:

– Деникин подал в отставку, я назначен главнокомандующим Русской армии. Как семья?

– По нынешним временам, можно сказать, неплохо. Живут не хуже других. Главное – живы.

– Семье поможем. А вот Вам нескоро придется их снова увидеть. Вы ведь разведчик, Вы не нужны мне на передовой, Вы нужны там, за линией фронта.

– Я готов ко всему, Петр Николаевич. Но внедрение разведчика – непростой процесс. У Вас есть для меня легенда?

– Легенда есть. Год назад, при попытке перейти линию фронта задержан поручик Макаров. Бежал из немецкого плена. Содержался в лагере Ингольштадта, где находился и подпоручик Тухачевский. Сейчас этот подпоручик командует армией. Его имя может помочь обрести доверие.

– Ингольштадт, – задумчиво произнёс Андрей Николаевич, – помню этот город на берегу Дуная.

– Приходилось там бывать?

Глава 2

Андрей Николаевич вспомнил, как из Австрии, где дислоцировалась четвёртая армия, его направили в Ингольдштадт, сопровождать группу русских военнопленных. Служил он тогда в штабе генерала Ауффенберга, под именем оберлейтенанта Генриха Зольднера. Не рассчитывал оберлейтенант Зольднер надолго задерживаться в этом городе. Доставив в крепость пленных, он уже собирался в обратный путь, но офицер, принявший русских, сказал, что с Зольднером хочет побеседовать Карл Хаусдорф¹. Это имя ничего Генриху не говорило. Под штатским костюмом высокого стройного незнакомца с орлиным носом и жёсткими усами угадывалась фигура военного: выправка, походка, жесты – всё говорило о том, что преподаватель университета, каковым представился он Зольднеру, или в недавнем прошлом или в настоящем кадровый офицер. Принял он Генриха не в кабинете, а встретил в парке крепости, и предложив прогуляться по усыпанным увядающей желтой листвой аллеям, спросил:

– Вы торопитесь в Австрию, господин оберлейтенант?

– У меня приказ: доставить русских военнопленных в крепость, и возвращаться в штаб армии, идет война.

– Рано или поздно войны кончатся миром, и те, кто сегодня являются врагами, завтра могут стать союзниками. Не хотите ли поработать с русскими военнопленными? Говорят, Вы неплохо знаете русских?

– Я служу в армейской разведке, знать противника – моя обязанность.

– Я в курсе, потому и обращаюсь к Вам. Мне нужны из числа русских офицеров несколько надёжных человек, способных выполнить определённую миссию у себя на родине.

– Хотите, чтобы я отобрал кандидатов для вербовки?

– Нет, нет, это не совсем то. Мне нужны не агенты, а союзники, единомышленники. Нам видится будущее Германии в союзе с Россией и Японией. Здесь, в Ингольдштадте, находится филиал «Германенордена», слышали о таком?

– Не приходилось.

– Вы будете посвящены в этот орден. Нужно, чтобы идеи «Германенордена» были восприняты русскими офицерами. Мир стоит на грани больших перемен, в России нам нужны не агенты, а люди, которые станут проводниками наших идей. Это должны быть перспективные офицеры, которые в самом ближайшем будущем займут места в высшем эшелоне русской военной власти.

– Это требует серьёзной работы.

– Естественно. Поэтому я и обратился к Вам. Мне рекомендовали Вас как серьёзного, грамотного разведчика.

– Но я служу в армейской разведке, мы решаем лишь оперативные задачи, а работа, которую Вы мне предлагаете, требует политического мышления.

– Я бы сказал, геополитического. Геополитика – вот какого масштаба работу я предлагаю Вам. Здесь, сейчас закладываются основы будущего устройства мира. От нас с Вами многое зависит.

То, что предлагал ему Хаусдорф, было бы несомненной удачей, нет, не для Генриха Зольднера, а для офицера русской разведки, Андрея Николаевича Краснова. Тогда он ещё не знал, что всего через пару месяцев, в феврале 1917 года, на смену монархии придёт разгул демократии. Бешеным вихрем пронесётся он по улицам городов и ворвётся в казармы и окопы, и то, что ещё недавно называлось русской армией, превратится во что-то непонят-

---

¹ Реальное лицо – Карл Хаусхофер, выдающийся геополитик, разведчик, генерал, преподаватель Мюнхенского университета.

ное, неуправляемое, не желающее подчиняться, где назначение командиров и планы сражений будут обсуждаться на общих собраниях рот, батальонов, полков. Чётко отлаженный механизм военной разведки просто перестанет существовать.

– Мир стоит на краю гибели, разве есть у него будущее?

– Будущее всегда есть. Но не всех оно устраивает. Нас не устраивает будущее Германии, каким видит его Британия и Франция. Будущее России туманно. Политический режим неустойчив, возможно, монархия падёт. Кто будет у власти завтра? В любом случае, нам нужны люди в окружении этой власти, которые повернут политику России туда, куда нужно нам, Германии. Нам нужно жизненное пространство, и мы будем расширять его на Восток. Мы создадим мощный трансконтинентальный блок, и тогда мы будем диктовать свои условия и Британии, и Франции, и Америке. Пленные, которые находятся здесь: и русские, и французы – прошли предварительный отбор. С ними можно работать. Вам предстоит отобрать из них тех, кто понесёт наши идеи в Россию.

– Для этого нужно вдолбить им эти идеи.

– Вот именно Вы этим и займётесь. Мы посвятим Вас в «Германенорден», а Вы приобщите их. Я приглашаю Вас сегодня на заседание ордена, с этого начнется Ваша работа.

Генрих понял, что вопрос об этом назначении был решён ещё до того, как его отправили в довольно странную командировку, сопровождать русских пленных офицеров, в результате которой он стал членом тайного общества, где вызревали основы будущего устройства мира. В 1918 году на основе «Германенордена» будет создано общество Туле, названное по имени мифического острова, столицы древних ариев, а позже, оно перерастёт в тайное общество Ане-нербе (наследие предков), возглавляемое Гиммлером.

Из всех русских военнопленных Генрих особо выделил молодого подпоручика Михаила Тухачевского, отличающегося амбициями Бонапарта, несомненной личной храбростью, граничившей с авантюризмом, и острым, оригинальным умом.

– Скажите, господин подпоручик, – спросил его Генрих во время одной из бесед, – каким Вы видите будущее вашей страны?

– России нужно избавиться от предрассудков, отбросить всё старое, весь хлам, запретить религию. России нужна сильная личность, способная перевернуть её.

– Кого же Вы представляете в роли этой личности?

– В настоящее время в России нет таких личностей.

– А Ленин? Большевики?

– Если Ленину удастся избавить Россию от предрассудков, сделать её сводной и сильной державой, я пойду за ним.

– Вы разделяете убеждения большевиков?

– Нет, я признаю право сильного на власть, и, если такой силой окажутся большевики, я примкну к ним.

– России нужен союзник, что Вы можете сказать по этому поводу.

– Россия уже имела в качестве союзника страны Антанты, ничего хорошего из этого не вышло. Думаю, Вы правы, господин Зольднер, Германия – достойный союзник для России.

– Где же Вы видите своё место в будущей сильной и свободной державе?

– Я вижу себя во главе армии.

– Достойный ответ! Думаю, совместными усилиями мы сможем осуществить Вашу мечту.

– Это не мечта, это реальная оценка своих способностей.

– Ну, что ж, тем лучше.

В тот же вечер Генрих доложил Карлу Хаусдорфу о своей беседе с подпоручиком Тухачевским. В обширном зале крепости, где находился кабинет Хаусдорфа, было прохладно, огонь камина не давал тепла, сырость весны семнадцатого года сочилась сквозь щели узких, высоких

окон. Хозяин кабинета сидел в кресле с высокой спинкой за письменным столом, он жестом указал Генриху на кресло напротив себя, и выслушав его доклад, сказал:

– Что же, весьма неплохо, достойная кандидатура для наших планов. Продолжайте работать с ним, он скоро понадобится. Временное правительство в России слишком временно, чтобы быть правительством. На него мы не можем делать ставку. Не сегодня, завтра, к власти придут большевики.

– Почему большевики?

– Больше некому.

– И Вы всерьёз думаете, что с Лениным и большевиками можно строить далеко идущие отношения?

– А почему бы, и нет? Нам не важно, какая власть будет в России, важно, какую роль в судьбе России сыграет Германия. Продолжайте работать, Генрих, обратите внимание на французов, есть ли среди них те, кто разделяет наши геополитические идеи?

– В наших геополитических идеях нет места Франции, вряд ли кто-то из французских офицеров может разделять наши взгляды на будущее устройство мира.

– Франция не должна нам мешать. И это главное. Сейчас идите, работайте. Настроение этих офицеров, когда они вернутся в свои страны, неизбежно будет иметь влияние на умы обывателей. Те, чьи государства лежат в сфере наших интересов, должны разделять наши убеждения, а те, остальные, должны быть убеждены, что мир должно устроить только так, и никак иначе.

Наблюдая за французскими пленными офицерами, Генрих обратил внимание на капитана Пьера Жерве. Что-то подсказывало ему, профессиональному разведчику, что тот отличается от обычных военнопленных, заброшенных на территорию противника волею обстоятельств. После индивидуальных бесед, Тухачевский, в среде военнопленных, всё чаще заводил откровенные разговоры о своём видении будущего России, он живо воспринял геополитические идеи Хаусдорфа. Капитан Жерве после этого довольно близко сошёлся с Тухачевским, хотя прежде не проявлял к нему особого интереса.

Генрих решил понаблюдать за Пьером. Военнопленных отпускали на прогулку в город в сопровождении нескольких невооруженных конвоиров, предварительно взяв с них подписку – честное слово офицера, о том, что они не сбегут. Так что военнопленные получали относительную свободу передвижений, хоть и под надзором. Генрих наблюдал за этими прогулками, оставаясь незамеченным, и однажды внимание его привлек престарелый господин в чёрном, неизменно возникающий раз в неделю в одном и том же месте во время прогулок военнопленных. Из периодичности его появления и совпадения времени его прогулок с прогулками военнопленных, напрашивался вывод, что находится он здесь не случайно. Как-то раз капитан Жерве, проходя мимо этого господина, что-то спросил у него; Генрих не мог слышать слов, но господин приподнял шляпу и удалился. Оберлейтенант Зольднер проследовал за ним, проводя его до дверей дома. Он выяснил, что по этому адресу проживает некто Фридрих Кантор, мелкий лавочник. Ничего интересного по поводу этого господина выяснить Зольднеру не удалось, и он продолжал наблюдения за прогулками капитана Жерве.

Однажды, в начале августа, во время прогулки он обратил внимание на газету в левой руке капитана. Поравнявшись с господином в чёрном, неизменно торчащим на бульваре в одном и том же месте, капитан приостановился, приподнял газету, и переложил её из левой руки в правую. Затем, проходя мимо урны, газету он выбросил, а через некоторое время, когда военнопленные уже скрылись за поворотом, к урне подошёл господин в чёрном, и подобрал выброшенную капитаном газету.

– Господин Кантор, – обратился к нему Генрих, – Вы всегда вынимаете прессу из урн, а не из почтового ящика?

Лавочник смутился, не находя что ответить, он понимал, что скрыться бегством от молодого оберлейтенанта ему не удастся, и попытался избавиться от газеты, но Генрих перехватил его руку.

– Спокойно, господин Фридрих, не делайте глупостей. Пройдёмте, присядем вон на ту скамейку, поговорим.

Они подошли к скамейке, сели.

– Покажите мне эту газету.

Господин в чёрном весь сжался, стиснул газету в руке, прижимая её к себе. Он молчал.

– Успокойтесь. Не стоит так нервничать. Я мог бы кликнуть жандармов и препроводить Вас в отделение, но я не буду этого делать, я не причиню Вам беспокойства. Просто покажите мне эту газету.

Кантор дрожащей рукой протянул газету Генриху. Развернув её, Генрих заметил на полях газеты колонки цифр.

– Что это? – спросил он. – Шифровка? От кого? Кому предназначена?

– Простите меня! Простите! – залопотал он. – Я не могу. Я не знаю, я ничего не знаю! Я просто мелкий лавочник! Меня попросили, я тут ни при чём! Поверьте!

– Я мог бы забрать Вас вместе с этой газетой в контрразведку, там расшифруют это сообщение, и станет ясно многое.

– Умоляю Вас! Не делайте этого! Я ничего не знаю, я просто передаю эти газеты господину, который за ними приходит. Я не знаю его, меня попросили.

– Хорошо. Успокойтесь, идите домой, и никому, ни под каким видом о нашей встрече не говорите. Тот господин, что приходит за передачей, знает, что сегодня она должна состояться?

– Нет, не знает. Он приходит раз в две недели, и, если есть передача, я отдаю ему.

– Когда он должен прийти?

– Через три дня, в четверг, он всегда приходит в четверг.

– Не говорите ему ничего о том, что произошло сегодня, просто скажите, что передачи не было. Газету я забираю. Если будет передача следующий раз, поступайте так, как поступаете обычно. Я больше не буду Вам мешать. Я сейчас идите, и помните: никому ни слова! От этого зависит Ваша безопасность.

Господин ушёл, а Генрих, посидев ещё несколько минут, убедившись, что Фридрих Кантор направился в сторону своего дома, вернулся в крепость и разыскал капитана Жерве.

– Господин капитан, пройдёмте во двор, хочу с Вами побеседовать.

Они вышли во двор, пошли вдоль аллеи, под сплетёнными ветвями деревьев, дающих прохладу и тень, весело чирикали воробьи, и ничего не напоминало о том, что где-то рядом шла война.

– Скоро осень, – сказал Генрих, – пойдут дожди, и от этого великолепия ничего не останется. Скоро год, как я здесь, и всё так же идёт война, а я, боевой офицер, здесь, среди пленных врагов. Вам не кажется, что я, как и Вы, здесь в плену?

– А Вы хотите на фронт?

Генрих вытащил газету и показал её капитану.

– Эту газету, господин капитан, Вы сегодня выбросили в урну. Её подобрал один господин. И вот что интересно, на её полях я обнаружил шифровку. Не объясните ли мне, кому она предназначалась?

– Шифровка? О чём Вы говорите? – искренно удивился капитан.

– Я взял эту газету на столе. Прочёл её, и выбросил в урну. На эти цифры на полях я даже не обратил внимания. Подумать только! Неужели это и впрямь шифрованная запись? Никогда бы не подумал! Может, кто-то из офицеров просто делал какие-то вычисления?

– Это не вычисления, это шифровка. И я не сомневаюсь, что написали её Вы. Это очень просто проверить. В контрразведке, думаю, сумеют её расшифровать. Заодно и определят, кому из офицеров принадлежит почерк.

– Проверьте, – Пьер пожал плечами. – Мне-то что. Я просто взял газету на столе.

– Вы действительно хотите, чтобы я обратился в контрразведку? Может быть, мы как-то по-другому решим эту проблему?

– Не понимаю Вас, оберлейтенант.

– Вы рассказываете мне о содержании шифровки, и о том, кому она предназначена, а я не обращаюсь в контрразведку. Поверьте, я не желаю причинять Вам зла. Ведь в контрразведке станет всё ясно, но тогда я уже ничем не смогу Вам помочь. Лучше расскажите всё мне, здесь и сейчас.

– Почему Вы думаете, что это лучше? Если я расскажу Вам всё, здесь и сейчас, контрразведке будет меньше работы, но чем это будет лучше для меня?

– Тем, что в контрразведку я обращаться не буду, оставим всё, как есть.

– Тогда зачем Вам всё это?

– Возможно, мне потребуется Ваша помощь.

– Чем же я смогу Вам помочь?

– Я вижу, Вы не верите мне.

– Не верю, так как не вижу Вашего интереса в том, чтобы не передавать это дело в контрразведку. Вы хотите использовать меня в своей игре, но в этом случае я должен знать, в чём эта игра заключается.

– Никакой игры нет. Просто я попал в безвыходное положение, мне нужна помощь. Я не Генрих Зольднер, я офицер русской разведки. Что произошло в России, Вы знаете. У меня нет связи, да и России уже нет. Помогать Германии поработать свою Родину я не хочу, потому и обращаюсь к Вам за помощью, ведь Франция и Россия союзники в этой войне.

– Вы хотите попасть в Россию?

– Да, но просто сбежать я не могу. Идет война, и меня задержат при первой же проверке документов. Мне нужны явки тех, кто поможет мне попасть в Россию.

– Вы хотите бежать прямо сейчас?

– Нет, пока рано. Мне ещё не всё известно о планах Германии относительно России. Это во-первых, во-вторых, нужен случай, повод, чтобы отлучка моя из крепости не выглядела как бегство. Меня не должны искать, по крайней мере до того, как мне удастся пересечь границу Германии.

– Я помогу Вам. Если меня уже не будет в лагере, когда Вам понадобится помощь, обратитесь к Кантору. Он свяжет Вас с нужным человеком. Я предупрежу его относительно Вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.